

СТРАНИЦЫ ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ ТРАГЕДИИ

*Светлой памяти участников героических
и трагических событий посвящается...*

Продолжение. Начало в №17-22, 2001 г.

С помощью машиниста Бражника мощными ударами монтировкой замок был сломан. Бражник взял с собой около 15 комплектов респираторов и флакончиков с порошком йодистого калия и по моей просьбе пошёл их раздавать турбинистам. Я спустился на отметку 0.00 машзала в ячейке ТГ-6 и промыл горло восходящим потоком из фонтанчика питьевой воды, так как в горле першило и пересохло, выпил йодный раствор из комплекта. Через некоторое время я почувствовал тошноту, однако, воспринял её как реакцию на приём йодистого калия. Хотя у меня и были определённые познания, что при лучевых поражениях тошнота и рвота бывает первичной реакцией организма на переоблучение, но в это не хотелось верить. Обратно побежал на 4-й блок через БЩУ-3. Усилилось ощущение усталости, тошнота не проходила, повторились рвотные спазмы, но рвоты не было, так как желудок давно уже был пуст.

В коридоре на пути в БЩУ-4 я получил распоряжение от Дятлова отыскать в машзале переносные насосы «гном», чтобы с персоналом химцеха установить их для откачки воды, поступающей в помещении насосной подпитки 3-го и 4-го блоков. Эти насосы не понадобились, так как по распоряжению начальника смены станции НСС Б.В. Рогожника блок № 3 был аварийно остановлен, а блоки №1 и №2 продолжали работать.

В коридоре между БЩУ-3 и БЩУ-4 я встретил начальника смены реакторного цеха № 2 (НСРЦ-2) Валерия Перевозченко. В ответ на мои вопросы он кратко сообщил, что имеются большие повреждения помещений и разрушенные части оборудования блока № 4. Мокрый и усталый, он извинился и поспешил дальше. В следующий и последний раз я видел Перевозченко в палате Московской клинической больницы № 6. С начальником смены РЦ-2 В. Шкурко мы решили зайти к нему в палату и поздравить его с днём рождения. Он к тому времени уже не вставал, был очень слаб, нос и уши для уменьшения кровотока были заложены ватой, но разговаривал он с нами охотно. Мы разорвали пакет фруктового сока, выпили за его здоровье и всячески пытались убедить его в том, что он обязательно выздоровеет. На это он ответил, что вряд ли поднимется: «Я знаю, что это такое». Видимо, он реально оценил тяжесть своего положения. Он умер от ОЛБ в мае месяце. Через неделю, когда моё состояние здоровья ухудшилось, ко мне вошёл мой лечащий врач Сергей Филиппович Северин и сообщил о своём решении перевести меня в другую палату, где созданы стерильные условия, назвав номер палаты, где лежал Валерий. Я всё понял, но, тем не менее, спросил: «А что с Перевозченко?». Северин уклонился от прямого ответа, но при этом произнёс слова, которые для меня, лежащего без сил в одиночной палате, с выпавшими волосами, и уже узнавшего, как умирают наши товарищи, были самыми нужными. Он сказал мне: «Да, ты заболел, тебе ещё некоторое время будет похуже, полностью выпадут волосы, будет кровотечение из носа, слабость будет нарастать. Но это такая болезнь, ею надо переболеть. Но дальше будет легче, особенно после переливания крови. Я тебя вытасу. Это я делаю не первый раз.» И эти слова были для меня самым действенным лекарством и стимулом к выздоровлению. После этого меня перевели в палату, где умер Валерий Перевозченко. Северин своё слово сдержал — читатель тому свидетель.

...На БЩУ-4 находились НСБ Акимов, СИУБ Столярчук, СИУР Топтунов, СИУТ Кищенко, НСС Рогожкин, который спросил меня: «Нужно ли что-нибудь делать в машзале?» Я ответил, что в части оборудования турбинной установки в машзале больше делать нечего, необходимости держать персонал ТЦ-2 на 4 блоке тоже нет.

Г. Бусыгин, спустившись с деаэрационной этажерки, доложил, что выполнить распоряжение по отключению левой группы деаэраторов они не смогли из-за разрушений приводов задвижек. Он также сообщил, что отправил машинистов Бражника и Перчука в медпункт АБК-1 из-за их болезненного состояния (рвота, судорога), остальной персонал смены ТЦ-2 4-го блока находился на улице перед АБК-1 и на 3 блоке. Связь на БЩУ-4 не работала, а мне о случившемся нужно было сообщить в г. Припять начальнику ТЦ-2 Л.А. Хоронжуку, и я направил-

ся вновь на БЩУ-3. На выходе из БЩУ-4 в коридоре я увидел начальника ВПЧ-2 Леонида Петровича Телятникова, стоявшего с двумя пожарными у дверей резервного пульта управления 4 блока (РПУ-4), Телятников направился в сторону 1-й очереди станции, а я напротив БЩУ-3 в коридоре увидел заместителя начальника электроцеха по эксплуатации 2-й очереди Александра Григорьевича Лелеченко. На мой вопрос: почему он тут находится в такой радиационной обстановке и не уходит, он ответил, что есть ещё производственные дела, которые необходимо сделать.

На БЩУ-3 я набрал номер домашнего телефона Л.А. Хоронжука, кратко доложил ему обстановку, на что последовал ответ: «Понял, выезжаю». Мой следующий звонок был заместителю начальника ТЦ по ремонту Александру Адамовичу Кавунцу, я его попросил выехать на станцию с аварийной бригадой ремонтников, а затем позвонил старшему инженеру по эксплуатации цеха Алексею Владимировичу Рысину.

Я ещё раз выбежал из БЩУ-3 в машзал. Новых возгораний не было, течь питательной воды на всосе питательного насоса 4 ПН-2 сильно уменьшилась, струя воды не била, а только вытекала.

Из проёма кровли машзала полупрозрачным столбом спускалась тёмная чёрная пыль, я не мог тогда ещё понять, что это была пыль от реакторного графита, находившегося в активной зоне реактора (графитовая кладка). А то, что это был графит, составлявший графитовую кладку разрушенного при взрыве реактора, стало известно уже утром, когда стало светло.

На БЩУ-3 я встретил группу работников станции: зам главного инженера по эксплуатации 1-й очереди А.А. Ситникова, зам. начальника РЦ-1 Орлова В.В. Около 5 часов утра приехали на станцию А.А. Кавунец и А.В. Рысин. Кавунец спросил меня: «Что нужно делать?» Я ему ответил, что произошла авария на 4 блоке с разрушением кровли машзала. И пока ничего сделать невозможно, радиационная обстановка не позволяет вести ремонтные работы, но, тем не менее, Кавунец настоял, чтобы мы с Бусыгиным показали ему и мастеру Тимченко привод задвижки и фланец на всасывающем трубопроводе питательного насоса 4 ПН-2 для оценки возможности его ремонта. Привод был повреждён упавшим куском железобетона и быстрому ремонту не подлежал, и после осмотра на месте мы все ушли из машзала.

На обратном пути через БЩУ-4 я задержался возле начальника смены блока № 4 Александра Акимова. Смену Саша принял в 00 часов 26 апреля у НСБ Игоря Казачкова в тяжёлой обстановке, что бывает нередко при неустойчивых переходных и пусковых режимах работы блока: народу на БЩУ-4 много, режим работы блока при проведении эксперимента, начатого в предыдущую смену, неустойчивый, операторы БЩУ-4 перегружены, при этом надо было изучить оперативный журнал НСБ, прочитать сменное задание и программу испытаний, полностью овладеть ситуацией на блоке.

Сразу же после приёма смены НСБ-4 Акимовым ЗГИС-Э-2 Дятлов начал требовать от НСБ Акимова продолжения выполнения программы испытаний, а когда Акимов присел на стул за своё рабочее место, чтобы эту программу изучить, он начал упрекать его в медлительности и в том, что он не обращает внимания на сложность ситуации, создавшейся на блоке. Дятлов окриком поднял Акимова с места и начал его торопить. Акимов, держа в руках ворох листов (видимо, это была программа испытаний), начал обходить операторов БЩУ-4 и выяснять соответствие состояния оборудования выполняемой программе, он с первых минут начала испытаний пытался овладеть ситуацией, управлять течением событий после аварии. Перед моим последним уходом с БЩУ-4 он сказал мне сокрушенно, что воды в барабанных сепараторах (БС) реактора нет, что реактор не управляется, что дальше некуда...!?

Я посетил его в палате клинической больницы № 6 в день его рождения. Находясь в тяжёлом состоянии (100% ожогов кожи), он, тем не менее, интересовался последними сведениями о причинах аварии и заверил меня, что если вылечится, то будет заниматься охотой, станет егерем. Он умер в мае месяце, так и не узнав причину случившейся аварии, похоронен в Москве на Митинском кладбище. **(Продолжение следует.)**

Николай ПОПОВ, с июня 1986 по февраль 1987-го в качестве инженера-инспектора «Госатомэнергонадзора» осуществлял контроль за сооружением объекта «Укрытие».